

OPK

Λ 450

Очер...

I-XX

К ЧИТАТЕЛЯМ.

В настоящее время, когда книжный голод все продолжает расти, развиваясь до катастрофических размеров, когда проснувшиеся народные массы все чаще и чаще обращаются за разъяснением, советом, указанием к книге, приходится искать чрезвычайных мер для удовлетворения небольшим количеством книг возможно большего количества читателей.

Главной из этих мер борьбы с книжным голодом является открытие библиотек и **ВЫСТАВОК-ЧИТАЛЕН**. Выставки читальни это — дом отдыха крестьянина и рабочего. Здесь они могут найти все произведения печати, вышедшие в свет во время Пролетарской Диктатуры. Здесь они найдут ценные исторические справки: здесь они смогут ознакомиться с творениями великих умов не только России, но и всего мира.

Были времена, когда многочисленные тома ценных книг покрывались пылью на полках библиотек отдельных собственников. Эти книги перелистывались изнеженной рукой скучающего барина. Рабочему и крестьянину они не были доступны.

Ныне книга стала собственностью народа. Она принадлежит каждому и вместе с тем всем.

Сегодня она просвещает тебя, а завтра она укажет смысл жизни твоему сыну. **БЕРЕГИ КНИГУ, ЧИТАТЕЛИ!** Храни ее не только для себя, но и для других, ищущих в книге красоту и жизненную правду.

Двери Выставки-Читальни Уральского Областного Агентства «Центропечати» открыты ежедневно для всех желающих.

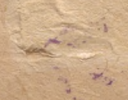
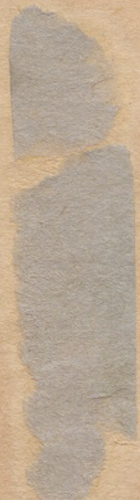
На выставке и в каталоге Вы найдете все книги, имеющиеся в читальне. Выберите любую и требуйте у библиотекаря номер, указанный на книге. В Вашем распоряжении также все периодические издания (журналы, газеты, сборники), издающиеся в Советской России.

УРАЛАГЕНТСТВО «ЦЕНТРОПЕЧАТИ»

г. Екатеринбург

100
100

Российская Коммунистическая Партия (большевиков).

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Числ 1138
Лист 3

Н. Ленин.

3к23
04951

ОЧЕРЕДНЫЕ ЗАДАЧИ

АРХИВ

СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ.

Цена 35 коп.

1944

ФОНД
КНИЖК КНИГ

Издательство „ПРИБОЙ“ Уральского Областного Комитета
Р. К. П. (большевиков).

ЕКАТЕРИНБУРГ.
Уральская Государствен. типография.
1918.

КНИГ... ИЛИЩЕ
ОБЛ... БИБЛИОТЕКА
СВЕРДЛОВСК

7

32

Очередные задачи Советской Власти.

Международное положение Российской Советской Республики и основные задачи социалистической революции.

Благодаря достигнутому миру,—несмотря на его тягость и всю его непрочность,—Российская Советская Республика получает возможность на известное время сосредоточить свои силы на важнейшей и труднейшей стороне социалистической революции, именно, на задаче организационной.

Эта задача ясно и точно поставлена перед всеми трудящимися и угнетенными массами в 4-м абзаце (4-й части) резолюции, принятой 16 марта 1918 года на Московском Чрезвычайном Съезде Советов,—в том же абзаце (или в той части) резолюции, где говорится о самодисциплине трудящихся и о беспощадной борьбе с хаосом и дезорганизацией.

Непрочность достигнутого Российской Советской Республикой мира обуславливается, конечно, не тем, чтобы она помышляла теперь о возобновлении военных действий;—кроме буржуазных контр—революционеров и их подголосков (меньшевиков и пр.) ни один вменяемый политик не думает об этом. Непрочность мира обуславливается тем, что в граничащих с Россией с запада и с востока империалистических государствах, обладающих громадной военной силой, может взять верх с минуты на минуту военная партия, соблазненная моментальной слабостью России и подталкиваемая ненавидящими социализм капиталистами.

При таком положении дела, реальной, не бумажной, гарантией мира для нас является исключительно рознь между империалистскими державами, достигшая высших пределов и проявляющаяся, с одной стороны, в возобновлении империалистской бойни народов на Западе, а с другой стороны—в крайне обостренном империалистичес-

ком соревновании Японии и Америки из-за господства над Великим океаном и его побережьем.

Понятно, что, защищенная столь шаткой охраной, наша советская социалистическая республика находится в чрезвычайно непрочном, безусловно критическом международном положении. Необходимо крайнее напряжение всех наших сил, чтобы использовать предоставленную нам стечением обстоятельств передышку для излечения тяжчайших ран, нанесенных всему общественному организму России войной, и для экономического подъема страны, без чего не может быть и речи о сколько-нибудь серьезном повышении обороноспособности.

Понятно также, что серьезное содействие запоздавшей, в силу ряда причин, социалистической революции на Западе мы окажем лишь в той мере, в какой сумеем решить поставленную перед нами организационную задачу.

Основным условием успешного разрешения, стоящей перед нами в первую очередь, организационной задачи является полное усвоение политическими руководителями народа, т.-е. членами Российской Коммунистической Партии (большевиков), а затем и всеми сознательными представителями трудящихся масс, коренного различия между прежними буржуазными и настоящей социалистической революцией в рассматриваемом отношении.

В буржуазных революциях главная задача трудящихся масс состояла в выполнении отрицательной или разрушительной работы уничтожения феодализма, монархии, средневековья. Положительную или созидательную работу организации нового общества выполняло имущее, буржуазное меньшинство населения. И оно выполняло эту задачу, вопреки сопротивлению рабочих и беднейших крестьян, сравнительно легко не только потому, что сопротивление эксплуатируемых капиталом масс было тогда, в силу их распыленности и неразвитости, крайне слабо, но и потому, что основной организующей силой, анархически построенного, капиталистического общества является стихийно растущий вширь и вглубь рынок, национальный и интернациональный.

Напротив, главной задачей пролетариата и руководимого им беднейшего крестьянства во всякой социалистической революции, — а, следовательно, и в начатой нами 25 октября 1917 г. социалистической революции в России, — является положительная или созидательная работа налаживания чрезвычайно сложной и тонкой сети новых организационных отношений, охватывающих планомерное производство и распределение продуктов, необходимых для существования десятков миллионов людей. Такая революция может быть успешно осуществлена только при самостоятельном историческом творчестве большинства населения, прежде всего большинства трудящихся.

Лишь в том случае, если пролетариат и беднейшее крестьянство сумеют найти в себе достаточно сознательности, идейности, самоотверженности, настойчивости, — победа социалистической революции будет обеспечена. Создав новый, Советский тип государства, открывающий возможность для трудящихся и угнетенных масс принять деятельное участие в самостоятельном строительстве нового общества, мы разрешили только небольшую часть трудной задачи. Главная трудность лежит в экономической области: повысить производительность труда, осуществить строжайший и повсеместный учет и контроль производства и распределения продуктов, **обобществить производство на деле.**

Развитие партии большевиков, которая является ныне правительственной партией в России, особенно наглядно показывает, в чем состоит переживаемый нами и составляющий своеобразие настоящего политического момента исторический перелом, требующий новой ориентации Советской власти, т. е. новой постановки, новых задач.

Первой задачей всякой партии будущего является — убедить большинство народа в правильности ее программы и тактики. Эта задача стояла на первом плане как при царизме, так и в период соглашательства Черных и Церетелли с Керенским и Кишкиным. Теперь эта задача, которая, конечно, далеко еще не завершена и которая никогда не может быть исчерпана до конца, в главном решена, ибо большинство рабочих и крестьян России, как показал бесспорно последний съезд Советов в Москве, заведомо стоит на стороне большевиков.

Второй задачей нашей партии было завоевание политической власти и подавление сопротивления эксплуататоров. И эта задача отнюдь не исчерпана до конца, и ее невозможно игнорировать, ибо монархисты и кадеты, с одной стороны, их подголоски и прихвостни, меньшевики и правые эс-эры, с другой, продолжают попытки объединиться для свержения Советской власти. Но, в главном, задача сопротивления эксплуататоров уже решена в период с 25-го октября 1917 г. до (приблизительно) февраля 1918 г. или до сдачи Богаевского.

На очередь выдвигается теперь, как очередная и составляющая своеобразие переживаемого момента, третья задача: организовать **управление Россией.** Разумеется, эта задача ставилась и решалась нами на другой же день после 25-го октября 1917 года, но до сих пор, пока сопротивление эксплуататоров принимало еще форму открытой гражданской войны, до сих пор задача управления **не могла стать главной, центральной.**

Теперь она стала таковой. Мы, партия большевиков, Россию **убедили.** Мы Россию **отвоевали** у богатых для бедных, у эксплуататоров для трудящихся. Мы должны теперь Россией **управлять.** И все своеобразие переживаемого момента, вся трудность состоит в том, чтобы понять особенности перехода от главной задачи убеждения

народа и военного подавления эксплуататоров к главной задаче **управления**.

Первый раз в мировой истории социалистическая партия успела закончить, в главных чертах, дело завоевания власти и подавления эксплуататоров, успела подойти **вплотную** к задаче **управления**. Надо, чтобы мы оказались достойными исполнителями этой труднейшей (и благодарнейшей) задачи социалистического переворота. Надо **продумать**, что для успешного управления необходимо, **кроме** умения убедить, **кроме** умения победить в гражданской войне, **умение** практически **организовать**. Это—самая трудная задача, ибо дело идет об организации по новому самых глубоких экономических основ жизни десятков и десятков миллионов людей. И это—самая благодарная задача, ибо лишь **после** ее **решения** (в главных и основных чертах) можно будет сказать, что Россия **стала** не только советской, но и социалистической республикой.

Общий лозунг момента.

Очерченное выше объективное положение, созданное крайне тяжелым и непрочным миром, мучительнейшей разрухой, безработицей и голодом, которые оставлены нам в наследство войной и господством буржуазии (в лице Керенского и поддерживавших его меньшевиков с правыми с.-р.), все это неизбежно породило крайнее утомление и даже истощение сил широкой массы трудящихся. Она настоятельно требует—и не может не требовать—известного отдыха. На очередь дня выдвигается восстановление разрушенных войной и хозяйничаньем буржуазии производительных сил;—излечение ран, нанесенных войной, поражением в войне, спекуляцией и попытками буржуазии восстановить свергнутую власть эксплуататоров;—экономический подъем страны;—прочная охрана элементарного порядка. Может показаться парадоксом, но на самом деле, в силу указанных объективных условий является совершенно несомненным, что Советская власть в данный момент может упрочить переход России к социализму только в том случае, если практически решит, вопреки противодействию буржуазии, меньшевиков и правых эс-эров, именно эти самые элементарные и элементарнейшие задачи сохранения общественности. Практическое решение этих элементарнейших задач и преодоление организационных трудностей первых шагов к социализму является теперь, в силу конкретных особенностей данного положения и при существовании Советской власти с ее законами о социализации земли, рабочем контроле и проч., двумя сторонами одной медали.

Веди аккуратно и добросовестно счет денег, хозяйничай экономно, не лодырничай, не воруй, соблюдай строжайшую дисциплину в труде,—именно такие лозунги, справедливо осмеивавшиеся рево-

люционными пролетариями тогда, когда буржуазия прикрывала подобными речами свое господство, как класса эксплуататоров, становятся теперь, после свержения буржуазии, очередными и главными лозунгами момента. И практическое проведение в жизнь этих лозунгов массой трудящихся является, с одной стороны, **единственным** условием спасения страны, до полусмерти истерзанной империалистской войной и империалистскими хищниками (с Керенским во главе), а с другой стороны, практическое проведение в жизнь этих лозунгов **Советскою** властью, **ее** методами, на основании **ее** законов, является необходимым и **достаточным** для окончательной победы социализма. Этого то и не умеют понять те, кто презрительно отмахивается от выдвигания на первый план столь „избитых“ и „тривиальных“ лозунгов. В мелко-крестьянской стране, только год тому назад свергнувшей царизм и менее чем полгода тому назад освободившейся от Керенских, осталось, естественно, не мало стихийного анархизма, усиленного озверением и одичанием, сопровождающими всякую долгую и реакционную войну: создалось не мало настроений отчаяния и беспредметного озлобления; если добавить к этому провокаторскую политику лакеев буржуазии (меньшевиков, правых эсеров и пр.), то станет вполне понятно, какие длительные и упорные усилия лучших и сознательнейших рабочих и крестьян необходимы для полного перелома настроений массы и перехода **ее** к правильному, выдержанному, дисциплинированному труду. Только такой переход, осуществленный массой бедноты (пролетариев и полупролетариев), и способен завершить победу над буржуазией и в особенности над наиболее упорной и многочисленной крестьянской буржуазией.

Новый фазис борьбы с буржуазией.

Буржуазия побеждена у нас, но она еще не вырвана с корнем, не уничтожена и даже не сломлена еще до конца. На очередь дня выдвигается поэтому новая, высшая форма борьбы с буржуазией, переход от простейшей задачи дальнейшего экспроприирования капиталистов к гораздо более сложной и трудной задаче создания таких условий, при которых бы не могла ни существовать, ни возникнуть вновь буржуазия. Ясно, что эта задача неизмеримо более высокая и что без разрешения **ее** социализма еще нет.

Если взять масштаб западно-европейских революций, мы стоим сейчас приблизительно на уровне достигнутого в 1793 году и в 1871 году. Мы имеем законное право гордиться, что поднялись на этот уровень и в одном отношении пошли, несомненно, несколько дальше, именно: декретировали и ввели по всей России высший **тип** государства, Советскую власть. Но удовлетвориться достигнутым ни в каком случае мы не можем, ибо мы только начали переход к социализму, но решающего в **этом** отношении **еще** не осуществили.

Решающим является организация строжайшего и всенародного учета и контроля за производством и распределением продуктов. Между тем в тех предприятиях, в тех отраслях и сторонах хозяйства, которые мы отняли у буржуазии, учет и контроль нами **еще** не достигнут, а без этого не может быть и речи о втором, столь же существенном, материальном условии введения социализма, именно о повышении, в общенациональном масштабе, производительности труда.

Поэтому нельзя было бы определить задачу настоящего момента простой формулой: продолжать наступление на капитал. Несмотря на то, что капитал нами, несомненно, не добит, и что продолжать наступление на этого врага трудящихся безусловно необходимо, такое определение было бы неточно, неконкретно, в нем не было бы учета о **своеобразии** данного момента, когда в интересах успешности **дальнейшего** наступления надо „приостановить“ **сейчас** наступление.

Пояснить это можно, сравнив наше положение в войне против капитала с положением того победоносного войска, которое отняло скажем, половину или две трети территории у неприятеля и вынуждено приостановить наступление, чтобы собраться с силами, увеличить запасы боевых средств, починить и подкрепить коммуникационную линию, построить новые склады, подвезти новые резервы и т. д. Приостановка наступления победоносного войска в подобных условиях является необходимой именно в интересах отвоевания у неприятеля остальной территории, т.-е. в интересах полной победы. Кто не понял, что именно такова предписываемая нам объективным положением дела в настоящий момент „приостановка“ наступления на капитал, тот не понял ничего в переживаемом политическом моменте.

Разумеется, о „приостановке“ наступления на капитал можно говорить только в кавычках, т.-е. только метафорически. В обыкновенной войне можно дать общий приказ о приостановке наступления, можно на деле остановить движение вперед. В войне против капитала движения вперед остановить нельзя, и о том, чтобы мы отказались от дальнейшей экспроприации капитала, не может быть и речи. Речь идет об изменении **центра тяжести** нашей экономической и политической работы. До сих пор на **первом плане** стояли мероприятия по непосредственной экспроприации экспроприаторов. Теперь на первом плане становится организация учета и контроля в тех хозяйствах, где уже экспропрированы капиталисты.

Если бы мы захотели теперь продолжать прежним темпом экспроприировать капитал дальше, мы, наверное, потерпели бы поражение, ибо наша работа по организации пролетарского учета и контроля явно, очевидно для всякого думающего человека, **отстала** от работы непосредственной „экспроприации экспроприаторов“. Если мы наляжем теперь изо всех сил на работу организации учета и контроля, мы сможем решить эту задачу, мы наверстаем упущенное, мы выиграем нашу „кампанию“ против капитала.

Но признание того, что приходится наверстывать упущенное, не равносильно ли признанию в некоей содеянной ошибке?—Нисколько. Приведем опять военное сравнение. Если можно разбить и отгесвить неприятеля одними отрядами легкой кавалерии, это надо сделать. А если это можно с успехом сделать лишь до известного предела, то вполне мыслимо, что за этим пределом возникает необходимость подвоза тяжелой артиллерии. Признавая, что надо теперь наверстывать упущенное в подвозе тяжелой артиллерии, мы вовсе не признаем ошибкой победоносную кавалерийскую атаку.

Нас часто упрекали лакеи буржуазии в том, что мы вели „красногвардейскую“ атаку на капитал. Упрек нелепый, достойный именно лакеев денежного мешка. Ибо „красногвардейская“ атака на капитал **в свое время**, предписывалась обстоятельствами безусловно: во-первых капитал сопротивлялся по-военному, в лице Керенского и Краснова, Савинкова и Гоца (Гегечкори и сейчас так сопротивляется), Дутова и Богаевского. Военное сопротивление нельзя сломать иначе, как военными средствами, и красногвардейцы делали благороднейшее и величайшее историческое дело освобождения трудящихся и эксплуатируемых от гнета эксплуататоров.

Во-вторых, мы не могли бы тогда поставить на первый план метод управления взамен методов подавления и потому, что искусство управления не прирождено людям, а дается опытом. Тогда этого опыта у нас не было. Теперь он есть. В третьих, тогда у нас не могло быть в нашем распоряжении специалистов разных отраслей знания и техники, ибо они либо сражались в рядах Богаевских, либо имели еще возможность оказывать систематическое и упорное пассивное сопротивление **саботажем**. А теперь мы саботаж сломали. „Красногвардейская“ атака на капитал была успешна, была победоносна, ибо мы победили и военное сопротивление капитала, и саботажническое сопротивление капитала.

Значит ли это, что **всегда уместна, при всяких** обстоятельствах уместна „красногвардейская“ атака на капитал, что у нас нет иных способов борьбы с капиталом? Думать так было бы ребячеством. Мы победили легкой кавалерией, но у нас есть и тяжелая артиллерия. Мы побеждали методами подавления, мы сумеем побеждать и методами управления. Методы борьбы против врага надо уметь изменять, когда изменяются обстоятельства. Мы ни на минуту не откажемся от „красногвардейского“ подавления господ Савинковых и Гегечкори, как и всяких других помещичьих и буржуазных контр-революционеров. Но мы не будем так глупы, чтобы на первое место ставить „красногвардейские“ приемы в такое время, когда эпоха необходимости красногвардейских атак в основном закончена (и закончена победоносно) и когда в дверь стучится эпоха использования пролетарскою государственною властью буржуазных специалистов для такого перепахивания почвы, чтобы на ней вовсе не могла расти никакая буржуазия.

Это — своеобразная эпоха, или вернее: полоса развития, — и, чтобы победить капитал до конца, надо уметь приспособить формы нашей борьбы к своеобразным условиям такой полосы.

Без руководства специалистов различных отраслей знания, техники, опыта, переход к социализму невозможен, ибо социализм требует сознательного и массового движения вперед к высшей производительности труда по сравнению с капитализмом. Социализм должен по **своему**, своими приемами, — скажем конкретнее, **советскими** приемами — осуществить это движение вперед. А специалисты неизбежно являются в массе буржуазии, в силу всей обстановки той общественной жизни, которая сделала их специалистами. Если бы наш пролетариат, овладев властью, быстро решил задачу учета, контроля организации во всенародном масштабе, — (это было неосуществимо вследствие войны и отсталости России) — тогда, сломав саботаж, мы всеобщим учетом и контролем подчинили бы себе полностью и буржуазных специалистов. В силу значительного „опоздания“ с учетом и контролем вообще, мы, хотя и успели победить саботаж, но обстановки, дающей в наше распоряжение буржуазных специалистов, **еще не** создали; масса саботажников „идет на службу“, но лучшие организаторы и крупнейшие специалисты могут быть использованы государством либо по старому, по буржуазному (т.-е. за высокую плату), либо по новому, по-пролетарски (т.-е. созданием той обстановки всенародного учета и контроля снизу, которая неизбежно и сама собой подчинила и привлекла бы специалистов).

Нам пришлось теперь прибегнуть к старому, буржуазному средству и согласиться на очень высокую оплату „услуг“ крупнейших из буржуазных специалистов. Все, знакомые с делом, видят это, но не все вдумываются в значение подобной меры со стороны пролетарского государства. Ясно, что такая мера есть компромисс, отступление от принципов Парижской Коммуны и всякой пролетарской власти, требующих сведения жалований к уровню платы среднему рабочему, требующих борьбы делом, а не словами, с карьеризмом

Мало того. Ясно, что такая мера есть не только приостановка — в известной области и в известной степени наступления на капитал (ибо капитал есть не сумма денег, а определенное общественное отношение), но и **шаг назад** нашей социалистической, советской, государственной власти, которая с самого начала провозгласила и повела политику понижения высоких жалований до заработка среднего рабочего.

Конечно, лакеи буржуазии особенно мелкого разбора, в роде меньшевиков, новожизненцев, правых эс-эров, будут хихикать по поводу признания того, что мы делаем шаг назад. Но нам нечего обращать внимание на хихиканье. Нам надо изучать особенности в высшей степени трудного и нового пути к социализму, не прикрывая наших ошибок и слабостей, а стараясь во время доделывать недоде-

ланное. Скрывать от масс, что привлечение буржуазных специалистов чрезвычайно высокими заработками есть отступление от принципов коммуны, значило бы опуститься до уровня буржуазных политиков и обманывать массы. Открыто объяснить, как и почему мы сделали шаг назад, затем обсудить гласно, какие имеются средства наверстать упущенное,—это значит воспитать массы и на опыте, вместе с ними, учиться строительству социализма. Едва ли был хоть один победоносный военный поход в истории, когда бы победителю не случилось делать отдельных ошибок, терпеть частичные поражения, временно отступать кое в чем и кое где назад. А предпринятый нами „поход“ против капитализма в миллион раз труднее самого трудного военного похода, и впасть в уныние по поводу частного и частичного отступления было бы глупо и позорно.

Подойдем к вопросу с практической стороны. Допустим, Российской Советской Республике необходимы 1000 первоклассных ученых и специалистов разных областей знания, техники, практического опыта, для руководства народным трудом в целях возможно быстрого экономического подъема страны. Допустим, что эти «звезды первой величины» приходится оплачивать—большинство из них, конечно, тем развращеннее буржуазными нравами, чем охотнее оно кричит о развращенности рабочих,—по 25 милл. р. в год. Допустим, что эту сумму (25 миллион. руб.) надо удвоить (предполагая выдачу премий за особенно успешное и быстрое выполнение важнейших из организаторски-технических заданий) или даже учетверить (предполагаю привлечение нескольких сот более требовательных зарубежных специалистов). Спрашивается, можно ли признать чрезмерным или непосильным для Советской Республики расход пятидесяти или ста миллионов руб. в год на переорганизацию народного труда по последнему слову науки и техники? Конечно, нет. Подавляющее большинство сознательных рабочих и крестьян одобрить такой расход, зная из практической жизни, что наша отсталость заставляет нас терять миллиарды, а такой степени организованности, учета и контроля, чтобы вызвать поголовное и добровольное участие „звезд“ буржуазной интеллигенции в нашей работе, мы еще не достигли.

Разумеется, вопрос имеет также другую сторону. Развращающее влияние высоких жалований неоспоримо—и на Советскую власть (тем более, что при быстроте переворота к этой власти не могло не примкнуть известное количество авантюристов и жуликов, которые вместе с бездарными или безсовестными из разных комиссаров не прочь попасть в „звезды“... казнокрадства), и на рабочую массу. Но все, что есть мыслящего и честного среди рабочих и беднейших крестьян, согласится с нами, признает, что сразу избавиться от дурного наследия капитализма мы не в состоянии, что освободить Советскую республику от „дани“ в 50 или 100 миллионов рублей (дани за нашу собственную отсталость в деле организации всенародного учета и контроля снизу) можно не иначе, как организуясь, подтягивая дис-

дисциплину среди самих себя, очищая свою среду от всех „хранящих наследство капитализма“, „соблюдающих традиции капитализма“, т. е. от лодырей, тунеядцев, казнокрадов (теперь вся земля, все фабрики, все железные дороги есть „казна“ Советской республики). Если сознательные передовики-рабочие и беднейшие крестьяне успеют, при помощи советских учреждений, в один год организовать, дисциплинировать, подтянуться, создать могучую трудовую дисциплину, тогда мы через год скинем с себя эту „дань“, которую можно сократить даже раньше... ровно в меру успехов нашей рабоче-крестьянской трудовой дисциплины и организованности. Чем скорее мы сами, рабочие и крестьяне, научимся лучшей трудовой дисциплине и высшей технике труда, используя для этой науки буржуазных специалистов, тем скорее мы избавимся от всякой дани этим специалистам

Наша работа по организации под руководством пролетариата всенародного учета и контроля за производством и распределением продуктов сильно отстала от нашей работы по непосредственной экспроприации экспроприаторов. Это положение является основным для понимания особенностей настоящего момента и вытекающих отсюда задач Советской власти. Центр тяжести в борьбе против буржуазии передвигается на организацию такого учета и контроля. Только исходя из этого, можно правильно определить очередные задачи экономической и финансовой политики в области национализации банков, монополизации внешней торговли, государственного контроля за денежным обращением, введения удовлетворительного, с пролетарской точки зрения, поимущественного и подоходного налога, введения трудовой повинности.

С социалистическими преобразованиями в этих областях мы крайне отстали (а это весьма и весьма существенные области), и отстали именно потому, что недостаточно организованы учет и контроль вообще. Разумеется, эта задача из самых трудных и при разрухе, созданной войною, она допускает лишь длительное решение, но нельзя забывать, что как раз здесь буржуазия—в особенности же многочисленная мелкая и крестьянская буржуазия—дает нам серьезнейший бой, подрывая налаживающийся контроль, подрывая, напр., хлебную монополию, отвоевывая позиции для спекуляции и спекулятивной торговли. То, что мы уже декретировали, мы далеко не достаточно еще провели в жизнь, и главная задача момента состоит именно в сосредоточении всех усилий на деловом, практическом осуществлении основ тех преобразований, которые уже стали законом, но не стали еще реальностью.

Чтобы продолжать дальше национализацию банков и идти неуклонно к превращению банков в узловые пункты общественного счетоводства при социализме, надо прежде всего и больше всего достигнуть реальных успехов в увеличении числа отделений Народного банка, в привлечении вкладов, в облегчении для публики операций внесения и выдачи денег, в устранении „хвостов“, в поимке и рас-

стреле взяточников и жуликов и т. д. Сначала реально провести в жизнь простейшее, организовать хорошенько наличное,—а затем уже готовить более сложное.

Укрепить и упорядочить те государственные монополии (на хлеб, на кожу и пр.) которые уже введены,—и тем подготовить монополизацию внешней торговли государством; без такой монополизации мы не сможем отделаться от иностранного капитала платежом „дани“. А вся возможность социалистического строительства зависит от того, сумеем ли мы в течение известного переходного времени выплатой некоторой дани иностранному капиталу защитить свою внутреннюю экономическую самостоятельность.

С взиманием налогов вообще, а поимущественного и подоходного налога в особенности, мы тоже чрезвычайно сильно отстали. Наложение контрибуций на буржуазию—мера, принципиально безусловно приемлемая и заслуживающая пролетарского одобрения,—показывает, что мы стоим еще в этом отношении ближе к приемам отвоевания (России) от богатых для бедных, чем к приемам управления. Но чтобы стать сильнѣе и чтобы стать на ноги, мы должны перейти к этим последним приемам, мы должны заменить контрибуцию с буржуазии постоянно и правильно взимаемым поимущественным и подоходным налогом, который даст больше пролетарскому государству и который требует от нас именно большей организованности, большего налажения учета и контроля.

Наше опоздание с введением трудовой повинности показывает еще раз, что на очередь дня выдвигается именно подготовительно-организационная работа, с одной стороны, долженствующая окончательно закрепить отвоеванное, а с другой стороны, необходимая, чтобы подготовить операцию, которая „окружит“ капитал и заставит его „сдаться“. Начать введение трудовой повинности нам следовало бы немедленно, но вводить ее с большой постепенностью и осмотрительностью, проверяя каждый шаг практическим опытом и, разумеется, первым шагом делая введение трудовой повинности для богатых. Введение рабочей и потребительски-бюджетной книжки для всякого буржуа, в том числе и деревенского, было бы серьезным шагом вперед к полному „окружению“ неприятеля и к созданию действительно всенародного учета и контроля за производством и распределением продуктов.

Значение борьбы за всенародный учет и контроль.

Государство, бывшее веками органом угнетения и ограбления народа, оставило нам в наследство величайшую ненависть и недоверие масс ко всему государственному. Преодолеть это очень трудная задача, посильная только Советской власти, но и от нея требующая продолжительного времени и громадной настойчивости. На вопросе об

учете и контроле—этом коренном вопросе для социалистической революции—на другой день после свержения буржуазии—такое „наследство“ сказывается особенно остро. Пройдет неизбежно известное время, пока массы, впервые почувствовавшие себя свободными после свержения помещиков и буржуазии, поймут—не из книжек, а из собственного, **советского**, опыта—поймут и **прочувствуют**, что без всеобщего, государственного учета и контроля за производством и распределением продуктов власть трудящихся, свобода трудящихся удержаться не может, возврат под иго капитализма **неизбежен**.

Все навыки и традиции буржуазии, и мелкой буржуазии особенно, идут также против **государственного** контроля, за неприкосновенность „священной частной собственности“, „священного“ частного предприятия. Нам теперь особенно наглядно видно, до какой степени правильно марксистское положение, что анархизм и анархо-синдикализм суть **буржуазного** течения, в каком непримиримом противоречии стоят они к социализму, пролетарской диктатуре, к коммунизму. Борьба за внедрение в массы идеи **Советского—Государственного** Контроля и учета, за проведение этой идеи в жизнь, за разрыв с проклятым прошлым, приучившим смотреть на добычу хлеба и одежды, как на „частное“ дело, на куплю—продажу, как на сделку, которая, „только меня касается“, эта борьба и есть величайшая, имеющая всемирно-историческое значение, борьба социалистической сознательности против буржуазно-анархической стихийности. Рабочий Контроль введен у нас, как закон, но в жизнь и даже в сознание широких масс пролетариата он едва-едва начинает проникать. О том, что безотчетность в деле производства и распределения продуктов есть гибель зачатков социализма, есть казнокрадство (ибо все имущество принадлежит казне),—а казна, это и есть Советская власть, власть большинства трудящихся,—что нерадивость в учете и контроле есть прямое пособничество немецким и русским Корниловым, которые могут скинуть власть трудящихся **только** при условии, что мы не одолеем задачи учета и контроля, и которые при помощи всей мужицкой буржуазии, при помощи кадетов, меньшевиков, правых эсеров „подкарауливают“ нас, выжидая момент,—об этом мы недостаточно говорим в своей агитации, об этом недостаточно думают и говорят передовики рабочих и крестьян. А пока рабочий контроль не стал фактом, пока передовики—рабочие не наладили и не провели победоносного и беспощадного похода против нарушителей этого контроля или беззаботных на счет контроля—до тех пор от первого шага (от рабочего контроля) нельзя сделать второго шага к социализму, то-есть перейти к рабочему регулированию производства.

Социалистическое государство может возникнуть лишь, как сеть производительных—потребительских коммун, добросовестно учитывающих свое производство и потребление экономящих труд, повышающих неуклонно его производительность и достигающих этим возможности понижать рабочий день до семи, до шести часов в сутки и

еще менее. Без того, чтобы наладить строжайший всенародный, всеобъемлющий учет и контроль **хлеба и добычи хлеба** (а затем и всех других необходимых продуктов) тут не обойтись. Капитализм оставил нам в наследство массовые организации, способные облегчить переход к массовому учету и контролю распределения продуктов, — потребительные общества. В России они развиты слабее, чем в передовых странах, но все же охватили больше десяти миллионов членов. Изданный на днях декрет о потребительных обществах представляет из себя чрезвычайно знаменательное явление, которое наглядно показывает своеобразие положения и задачи Советской Социалистической Республики в данный момент.

Декрет является соглашением с буржуазными кооперативами и с рабочими кооперативами, остающимися на буржуазной точке зрения. Соглашение или компромисс состоит, во-первых, в том, что представители названных учреждений не только участвовали в обсуждении декрета, но и получили фактически, право решающего голоса, ибо части декрета, встретившие решительную оппозицию этих учреждений, были отброшены. Во-вторых, по сути дела, компромисс состоит в отказе Советской власти от принципа бесплатного вступления в кооператив (единственный последовательно пролетарский принцип), а равно от объединения всего населения данной местности в **одном** кооперативе. В отступление от этого, единственно социалистического принципа, отвечающего задаче уничтожения классов, было дано право оставаться „рабочим классовым кооперативам“ (которые называются в этом случае „классовыми“ только потому, что они подчиняются классовым интересам буржуазии). Наконец, предложение Советской власти исключить совершенно буржуазию из правлений кооперативов было тоже весьма ослаблено, и запрещение входить в правления распространено только на владельцев торговых и промышленных предприятий частного-капиталистического характера.

Если бы пролетариат, действуя через Советскую власть, успел наладить учет и контроль в общегосударственном масштабе, или хотя бы основы такого контроля, то надобности в подобных компромиссах не было бы. Через продовольственные отделы Советов, через органы снабжения при Советах мы объединили бы население в единый, пролетарски руководимый, кооператив без содействия буржуазных кооперативов, без уступок тому чисто-буржуазному принципу, который побуждает рабочий кооператив оставаться рабочим **наряду** с буржуазным **вместо того**, чтобы подчинить себе всецело этот буржуазный кооператив, слив оба, взяв **себе все** правление, взяв **себе** в руки надзор за потреблением богатых.

Заключая такое соглашение с буржуазными кооперативами, Советская власть конкретно определила свои тактические задачи и своеобразные методы действий для данной полосы развития, именно: руководя буржуазными элементами, используя их, делая известные частные уступки им, мы создаем условия для такого движения впе-

ред, которое будет более медленно, чем мы первоначально полагали, но вместе с тем более прочно, с более солидным обеспечением базы и коммуникационной линии, с лучшим укреплением завоевываемых позиций. Советы могут (и должны) теперь измерять свои успехи в деле социалистического строительства, между прочим, мерами чрезвычайно ясными, простыми, практическими в каком именно числе общин (коммун. или селений, кварталов и т. п.) и насколько приближается развитие кооперативов к тому, чтобы охватывать все население.

Повышение производит. труда.

Во всякой социалистической революции после того, как решена задача завоеваний власти пролетариатом и по мере того, как решается в главном и основном задача: экспроприировать экспроприаторов и подавить их сопротивление, выдвигается необходимо на первый план коренная задача создания высшего, чем капитализм, общественного уклада, именно: повышение производительности труда, а в связи с этим (и для этого) его высшая организация. Наша советская власть находится именно в таком положении, когда, благодаря победам над эксплуататорами, от Керенского до Корнилова, она получила возможность непосредственно подойти к этой задаче, вплотную взяться за нее. И тут становится видно сразу, что если центральной государственной властью можно овладеть в несколько дней, если подавить военное и саботажническое сопротивление эксплуататоров даже по разным углам большой страны можно в несколько недель, то прочное решение задачи поднять производительность труда требует во всяком случае (особенно после мучительнейшей и разорительнейшей войны) нескольких лет. Длительный характер работы предполагается здесь безусловно объективными обстоятельствами.

Подъем производительности труда требует, прежде всего, обеспечения материальной основы крупной индустрии: развития производства топлива, железа, машиностроения, химической промышленности. Российская Советская Республика находится постольку в выгодных условиях, что она располагает—даже после Брестского мира—гигантскими запасами руды (на Урале), топлива—в Западной Сибири (камен. уголь), на Кавказе и на юго-востоке (нефть), в центре (торф),—гигантскими богатствами леса, водных сил, сырья для химической промышленности (Карабугаз) и т. д. Разработка этих естественных богатств приемами новейшей техники даст основу неданного прогресса производительных сил.

Другим условием повышения производительности труда является, во-первых, образовательный и культурный подъем массы населения. Этот подъем идет теперь с громадной быстротой, чего не видят ослепленные буржуазной рутинной люди, неспособные понять, сколько порыва к свету и инициативности разворачивается теперь в народных „низах“ благодаря советской организации. Во-вторых, условием

экономического под'ема является и повышение дисциплины трудящихся, умения работать, спорности, интенсивности труда, лучшей его организации.

С этой стороны дело обстоит у нас особенно плохо и даже безнадежно, если поверить людям, давшим себя запугать буржуазии или корыстно служащим ей. Эти люди не понимают, что не было и быть не может революции, когда бы сторонники старого не вопили о развале, об анархии и т. п. Естественно что в массах, только что сбросивших невиданный дикий гнет, идет глубокое и широкое кипение и брожение, что выработка новых основ трудовой дисциплины—проц. очень длительный, что до полной победы над помещиком и буржуазией такая выработка не могла даже и начаться.

Но, нисколько не поддаваясь тому часто поддельному, отчаянию, которое распространяют буржуа и буржуазные интеллигенты (отчаявшиеся отстоять свои старые привилегии), мы никоим образом не должны прикрывать явного зла. Напротив, мы будем раскрывать его и усиливать советские приемы борьбы против него, ибо успех социализма немислим без победы пролетарской сознательной дисциплинированности над стихийной мелко-буржуазной анархией, этого настоящего залога возможной реставрации керенщины и корниловщины.

Наиболее сознательный авангард российского пролетариата уже поставил себе задачу повышения трудовой дисциплины. Например, в центральном комитете союза металлистов и в центральном Совете профессиональных союзов начата разработка соответствующих мероприятий и проектов-декретов. Эту работу надо поддерживать и двинуть ее вперед изо всех сил. На очередь надо поставить, практически применить и испытать сделную плату, применение многого, что есть научного и прогрессивного в системе Тэйлора, соразмерение заработка с общими итогами выработки продукта или эксплуатационных результатов железнодорожного и водного транспорта и т. д. и т. д.

Русский человек—плохой работник по сравнению с передовыми нациями. И это не могло быть иначе при режиме царизма и живости остатков крепостного права. Учиться работать—эту задачу Советская власть должна поставить перед народом во всем ее объеме. Последнее слово капитализма в этом отношении, система Тэйлора,—как и все прогрессы капитализма,—соединяет в себе утонченное зверство буржуазной эксплуатации и ряд богатейших научных завоеваний в деле анализа механических движений при труде, изгнания лишних и неловких движений, выработки правильнейших приемов работы, введения наилучших систем учета и контроля и т. д. Советская Республика во что бы то ни стало должна перенять все ценное из завоеваний науки и техники в этой области. Осуществимость социализма определится именно нашими успехами в сочетании Со-

309181

ветской власти и Советской организации управления с новейшим прогрессом капитализма. Надо создать в России изучение и преподавание системы Тэйлора, систематическое испытание и приспособление ее. Надо вместе с тем, идя к повышению производительности труда, учесть особенности переходного от капитализма к социализму времени, которые требуют, с одной стороны, чтобы были заложены основы социалистической организации соревнования, а с другой стороны, требуют применения принуждения, так, чтобы лозунг диктатуры пролетариата не осквернялся практикой киселеобразного состояния пролетарской власти.

Организация соревнования.

К числу бессмыслиц, которые буржуазия охотно распространяет про социализм, принадлежит та, будто социалисты отрицают значение соревнования. На самом же деле только социализм, уничтожая классы и, след, порабощение масс, впервые открывает дорогу для соревнования действительно в массовом масштабе. И именно Советская организация, переходя от формального демократизма буржуазной республики к действительному участию трудящихся масс в **управлении**, впервые ставит широко соревнование. В политической области это гораздо легче поставить, чем в экономической, но для успеха социализма важно именно последнее.

Возьмем такое средство организации соревнования, как гласность. Буржуазная республика обеспечивает ее только формально, на деле подчиняя прессу капиталу, забавляя „чернь“ пикантными политическими пустяками, скрывая то, что происходит в мастерских, торговых сделках, в поставках и пр. покровом „коммерческой тайны“, ограждающей „священную собственность“. Советская власть отменила коммерческую тайну, вступила на новый путь, но для использования гласности в целях экономического соревнования мы еще почти ничего не сделали. Надо систематически взяться за то, чтобы, на ряду с беспощадным подавлением насквозь лживой и нагло-клеветнической буржуазной прессы, велась работа создания такой прессы, которая бы не забавляла и дурачила массы политическими пикантностями и пустяками, а именно вопросы повседневной экономики несла на суд массы, помогала серьезно изучать их. Каждая фабрика, каждая деревня является производительно-потребительской коммуной, имеющей право и обязанной по своему применять общие советские узаконения („по своему“ не в смысле нарушения их, а в смысле разнообразия форм проведения их в жизнь), по своему решать проблему учета производства и распределения продуктов. При капитализме это было „частным делом“ отдельного капиталиста, помещика, кулака. При Советской власти это—не частное дело, а важнейшее государственное дело.

И мы еще почти не приступили к громадной, трудной, но зато и благодарной работе организовать соревнование коммуны, ввести отчетность и гласность в процесс производства хлеба, одежды и пр. превратить сухие, мертвые, бюрократические отчеты в живые примеры—как отталкивающие, так и привлекающие. При капиталистическом способе производства значение отдельного примера, скажем, какой либо производительной артели, неизбежно было до последней степени ограничено, и только мелкобуржуазная иллюзия могла мечтать об „исправлении“ капитализма влиянием образцов добродетельных учреждений. После перехода политической власти в руки пролетариата, после экспроприации экспроприаторов дело меняется в корне и согласно тому, что многократно указывалось виднейшими социалистами,—сила примера впервые получает возможность оказать свое массовое действие. Образцовые коммуны должны служить и будут служить воспитателями, учителями, подтягивателями отсталых коммун. Печать должна служить орудием социалистического строительства, знакомя во всех деталях с успехами образцовых коммун, изучая причины их успеха, приемы их хозяйства, ставя, с другой стороны, „на черную доску“ те коммуны, которые упорно хранят „традиции капитализма“, т. е. анархии, лодырничанья, беспорядка, спекуляции. Статистика была в капиталистическом обществе предметом исключительного ведения „казенных людей“ или узких специалистов,—мы должны понести ее в массы, популяризировать ее, чтобы трудящиеся постепенно учились сами понимать и видеть, как и сколько надо работать, как и сколько можно отдыхать,—чтобы сравнение деловых итогов хозяйства отдельных коммун стало предметом общего интереса и изучения, чтобы выдающиеся коммуны вознаграждались немедленно (сокращением на известный период рабочего дня, повышением заработка, предоставлением большего количества культурных или эстетических благ и ценностей и т. п.).

Когда новый класс выдвигается в качестве вождя и руководителя общества на историческую сцену, это никогда не обходится без периода сильнейшей „качки“, потрясений, борьбы и бурь, с одной стороны,—а, с другой стороны, без периода неуверенных шагов, экспериментов, колебаний, патаний насчет выбора новых приемов, отвечающих новой объективной обстановке. Гибнущее феодальное дворянство мстило побеждающей и вытесняющей его буржуазии не только заговорами, попытками восстания и реставрации, но и потоками насмешек над неумелостью, неловкостью, ошибками „выскачек“, „наглецов“, дерзающих брать в руки „священное кормило“ государства без вековой подготовки к этому князей, баронов, дворян, знати—точь в точь так, как мстят теперь рабочему классу в России, за его „дерзкую“ попытку взятия власти Корниловы и Керенские, Гоцы и Мартовы, вся эта братия героев буржуазного гешефтмахерства или буржуазного скенсиса.

Нужны, разумеется, не недели, а долгие месяцы и годы, чтобы новый общественный класс, и притом класс доселе угнетенный, за-

давленный нуждой и темнотой, мог освоиться с новым положением, осмотреться, наладить свою работу, выдвинуть своих организаторов. Понятно, что у руководящей революционным пролетариатом партии не могло сложиться опыта и навыка больших, на миллионы и десятки миллионов граждан, рассчитанных организационных предприятий, что переделка старых, почти исключительно агитаторских навыков дело весьма длительное. Но невозможного тут ничего нет, и раз у нас будет ясное сознание необходимости перемены, твердая решимость осуществить ее, выдержка в преследовании великой и трудной цели,—мы ее осуществим. Организаторских талантов в „народе“, т. е. среди рабочих и не эксплуатирующих чужого труда крестьян, масса; их тысячами давил, губил, выбрасывал вон капитал, их не умеем еще найти, ободрить, поставить на ноги, выдвинуть—мы. Но мы этому научимся, если примемся—со всем революционным энтузиазмом, без которого не бывает победоносных революций,—учиться этому.

Ни одно глубокое и могучее народное движение в истории не обходилось без грязной пены—без присасывающихся к неопытным новаторам авантюристов и жуликов, хвастунов и горлопанов, без нелепой суматохи, бестолочи, зряшной суетливости, без попыток отдельных „вождей“ братья за 20 дел и ни одного не доводить до конца. Пусть моськи буржуазного общества, от Белоруссова, до Мартова, визжат и лают по поводу каждой лишней щепки при рубке большого, старого леса. На то они и моськи, чтобы лаять на пролетарского слона. Пусть лают. Мы пойдем себе своей дорогой, стараясь как можно осторожнее и терпеливее испытывать и распознавать настоящих организаторов, людей с трезвым умом и с практической сметкой, людей, соединяющих преданность социализму с умением без шума (и вопреки суматохе и шуму) налаживать крепкую и дружную совместную работу большого количества людей в рамках Советской организации. **Только** таких людей, после десятикратного испытания, надо, двигая их от простейших задач к труднейшим, выдвигать на ответственные посты руководителей народного труда, руководителей управления. Мы этому еще не научились. Мы этому научимся.

Стройная организация и диктатура.

Резолюция последнего (Московского) Съезда Советов выдвигает как первейшую задачу момента, создание „стройной организации“ и повышение дисциплины. Такого рода резолюции теперь все охотно „голосуют“ и „подписывают“, но о том, что проведение их в жизнь требует принуждения и принуждения именно в форме диктатуры, в это обычно не вдумываются. А между тем было бы величайшей глупостью и самым вздорным утопизмом полагать, что без принуждения и без диктатуры возможен переход от капитализма к социализму. Теория Маркса против этого мелкобуржуазно-демократического и анархического вздора выступала очень давно и с полнейшей опре-

деленностью. И Россия 1917—18 годов подтверждает теорию Маркса в этом отношении с такой наглядностью, осязательностью и внушительностью, что только люди, безнадежно тупые или упорно решившие отвернуться от правды, могут еще заблуждаться в этом отношении. Либо диктатура Корнилова (если взять его за русский тип буржуазного Кавеньяка), либо диктатура пролетариата— об ином выходе для страны, прodelьвающей необычайно быстрое развитие с необычайно крутыми поворотами, при отчаянной разрухе, созданной мучительнейшей из войн, **не может быть и речи**. Все средние решения либо обман народа буржуазией, которая не может сказать правды, не может сказать, что ей нужен Корнилов, либо тупость мелкобуржуазных демократов, Черновых, Церетелли и Мартовых, с их болтовней о единстве демократии, диктатур- демократии, обще- демократическом фронте и т. п. чепухе. Кого даже ход русской революции 1917—18 годов не научил тому, что невозможны средние решения, на того надо махнуть ружьём.

С другой стороны, не трудно убедиться, что при всяком переде от капитализма к социализму диктатура необходима по двум главным причинам или в двух главных направлениях. Во-первых, нельзя победить и искоренить капитализма без беспощадного подавления сопротивления эксплуататоров, которые сразу не могут быть лишены их богатства, их преимуществ организованности и знания, а следовательно, в течение довольно долгого периода неизбежно будут пытаться свергнуть ненавистную власть бедноты. Во-вторых, всякая великая революция, а социалистическая в особенности, даже если бы не было войны внешней, немислима без войны внутренней, т.-е. гражданской войны, означающей еще большую разруху, чем война внешняя,— означающей тысячи и миллионы случаев колебания и перелетов с одной стороны на другую,— означающей состояние величайшей неопределенности, неуравновешанности, хаоса. И, разумеется, все элементы разложения старого общества, неизбежно весьма многочисленные, связанные преимущественно с мелкой буржуазией (ибо её всякая война и всякий кризис разоряет и губит прежде всего), не могут не „показать себя“ при таком глубоком перевороте. А „показать себя“ элементы разложения **не могут** иначе, как увеличением преступлений, хулиганства, подкупа, спекуляций, безобразий всякого рода. Чтобы сладить с этим, нужно время и **нужна железная рука**.

Не было ни одной великой революции в истории, когда бы на род инстинктивно не чувствовал этого и не проявлял спасительной твердости, расстреливая воров на месте преступления. Беда прежних революций состояла в том, что революционного энтузиазма масс, поддерживающего их напряженное состояние и дающего им силу применять беспощадное подавление элементов разложения, хватало не на долго. Социальной, т. е. классовой причиной такой непрочности революционного энтузиазма масс была слабость пролетариата, который **один только** в состоянии (если он достаточно многочислен,

сознательен, дисциплинирован) привлечь к себе большинство трудящихся и эксплуатируемых (большинство бедноты, если говорить проще и популярнее) и удержать власть достаточно долгое время для полного подавления и всех эксплуататоров, и всех элементов разложения.

Этот исторический опыт всех революций, этот всемирно-исторический—экономический и политический урок и подтвердил Маркс, дав краткую, резкую, точную, яркую формулу: диктатура пролетариата. И что русская революция правильно подошла к осуществлению этой всемирно-исторической задачи, это **доказало** победное шествие по всем народам и языком России Советской организации. Ибо Советская власть есть ни что иное, как организационная форма диктатуры пролетариата, диктатуры передового класса, поднимающего к новому демократизму, к самостоятельному участию в управлении государством десятки и десятки миллионов трудящихся и эксплуатируемых, которые на своем опыте учатся видеть в дисциплинированном и сознательном авангарде пролетариата своего надежнейшего вождя.

Но диктатура есть большое слово. А больших слов нельзя бросать на ветер. Диктатура есть железная власть, революционно-смелая и быстрая, беспощадная в подавлении как эксплуататоров, так и хулиганов. А наша власть непомерно мягкая, сплошь и рядом больше похожая на кисель, чем на железо. Нельзя забывать ни на минуту, что буржуазная и мелко-буржуазная стихия борется против Советской власти двояко: с одной стороны, действуя извне, приемами Савинковых, Гоцев, Гегечкори, Корниловых, заговорами и восстаниями, их грязным „идеологическим“ отражением, потоками лжи и клеветы в печати кадетов, правых эс-эров и меньшевиков,—с другой стороны, эта стихия действует изнутри, используя всякий элемент разложения, всякую слабость для подкупа, для усиления недисциплинированности, распущенности, хаоса. Чем ближе мы подходим к полному военному подавлению буржуазии, тем опаснее становится для нас стихия мелкобуржуазной анархичности. И борьбу с этой стихией нельзя вести только пропагандой и агитацией, только организацией соревнования, только отбором организаторов, борьбу надо вести и принуждением.

По мере того, как основной задачей власти становится не военное подавление, а управление,—типичным проявлением подавления и принуждения будет становиться не расстрел на месте, а суд. И в этом отношении революционные массы, после 25 октября 1917 г. вступили на верный путь и доказали жизненность революции, начав устраивать свои рабочие и крестьянские суды, еще до всяких декретов о роспуске буржуазно-демократического судебного аппарата. Но наши революционные и пародные суды непомерно, невероятно слабы. Чувствуется, что не сломлен еще окончательно унаследованный от ига помещиков и буржуазии народный взгляд на суд, как на нечто казенно-чуждое. Нет достаточного сознания того, что суд

есть орган привлечения именно бедноты поголовно к государственному управлению (ибо судебная деятельность есть одна из функций государственного управления),—что суд есть **орган** власти пролетариата и беднейшего крестьянства,—что суд есть **орудие воспитания к дисциплине**. Нет достаточного сознания того простого и очевидного факта, что, если главными бедами России является голод и безработица, то победить эти бедствия нельзя никакими порывами, а только всесторонней, всеобъемлющей, всенародной организацией и дисциплиной, чтобы увеличить производство хлеба для людей и хлеба для промышленности (топлива), во время подвезти и правильно распределить его;—что поэтому **виноват** в мучениях голода и безработицы **всякий**, кто нарушает трудовую дисциплину в любом хозяйстве, в любом деле,—что виноватого в этом надо уметь находить, отдавать под суд и карать беспощадно. Мелкобуржуазная стихия, с которой нам предстоит теперь вести самую упорную борьбу, сказывается, именно, в том, что слабо сознание народно-хозяйственной и политической связи голода и безработицы с распущенностью всех и каждого в деле организации и дисциплины,—что держится прочно **мелкособственнический взгляд**: мне бы урвать побольше, а там хоть трава не расти.

На железнодорожном деле, которое всего, пожалуй, нагляднее воплощает хозяйственные связи созданного крупным капитализмом организма, эта борьба мелкобуржуазной стихии распущенности с пролетарской организованностью сказывается особенно выпукло. Элемент „управленческий“ поставляет саботажников, взяточников в большом обилии; элемент пролетарский в его лучшей части борется за дисциплину; но среди того и другого элементов, конечно, много колеблющихся, „слабых“, неспособных противостоять „соблазну“ спекуляции, взятки, личной выгоды, покупаемой ценой почти всего аппарата, от правильной работы которого зависит победа над голодом и безработицей.

Характерна борьба, которая развертывалась на этой почве вокруг последнего декрета об управлении железными дорогами, декрета о предоставлении диктаторских полномочий (или „неограниченных“ полномочий) отдельным руководителям. Сознательные, (а большей частью, вероятно, бессознательные) представители мелкобуржуазной распущенности хотели видеть отступление от начала коллективности и от демократизма и др. принципов Советской власти в предоставлении отдельным лицам „неограниченных“ (т. е. диктаторских) полномочий. Среди левых эс-эров кой-где развивалась прямо хулиганская, т. е. апеллирующая к дурным инстинктам и к мелкособственническому стремлению „урвать“ агитация против декрета о диктаторстве. Вопрос встал действительно громадного значения: во-первых, вопрос принципиальный, совместимо ли вообще назначение отдельных лиц, облачаемых неограниченными полномочиями, диктаторов, с обреченными началами Советской власти; во-вторых, в каком отношении стоит этот случай—этот прецедент, если хотите,—к особым задачам вла-

сти в данный конкретный момент. И на том и на другом вопросе надо очень внимательно остановиться.

Что диктатура отдельных лиц очень часто была в истории революционных движений выразителем, носителем, проводником диктатуры революционных классов, об этом говорит непререкаемый опыт истории. С буржуазным демократизмом диктатура отдельных лиц совмещалась несомненно. Но в этом пункте буржуазные хулители Советской власти, а равно их мелкобуржуазные подголоски, проявляют всегда ловкость рук: с одной стороны, они об'являют Советскую власть просто чем-то нелепым, анархически диким, старательно обходя все наши исторические параллели и теоретические доказательства того, что Советы суть высшая форма демократизма, даже более: начало **социалистической** формы демократизма; с другой же стороны, они предъявляют нам требования более высокого, чем буржуазный, демократизма и говорят: с вашим, большевистским (т. е. не буржуазным, а **социалистическим**), советским демократизмом личная диктатура абсолютно несовместима.

Рассуждения из рук вон плохие. Если мы не анархисты, мы должны принять необходимость государства, т. е. **принуждения** для перехода от капитализма к социализму. Форма принуждения определяется степенью развития данного революционного класса, затем такими особыми обстоятельствами, как, например, наследия долгой и реакционной войны, затем формами сопротивления буржуазии или мелкой буржуазии. Поэтому решительно никакого принципиального противоречия между Советским (т. е. социалистическим) демократизмом и применением диктаторской власти отдельных лиц нет. Отличие пролетарской диктатуры от буржуазной состоит в том, что первая направляет свои удары против эксплуататорского меньшинства в интересах эксплуатируемого большинства, а затем в том, что первую осуществляют—и через **отдельных** лиц—не только массы трудящихся и эксплуатируемых, но и организации, построенные так, чтобы именно, такие массы будить, поднимать к историческому творчеству (Советские организации принадлежат к этого рода организациям).

По второму вопросу, о значении, именно, единоличной диктаторской власти с точки зрения специфических задач данного момента, надо сказать, что всякая крупная машинная индустрия—т. е. именно материальный производственный источник и фундамент социализма—требует безусловного и строжайшего единства воли, направляющей совместную работу сотен тысяч и десятков тысяч людей. И технически и экономически и исторически необходимость эта очевидна, всеми, думавшими о социализме, всегда признавалась, как его условие. Но как может быть обеспечено строжайшее единство воли? Подчинением воли тысяч воле одного.

Это подчинение может, при идеальной сознательности и дисциплинированности участников общей работы, напомнить больше мягкое

руководство дирижера. Оно может принимать резкие формы диктаторства—если нет идеальной дисциплинированности и сознательности. Но, так или иначе, **беспрекословное подчинение** единой воле для успеха процессов работы, организованной по типу крупной машинной индустрии, безусловно необходимо. Для железных дорог оно необходимо вдвойне и втройне. И вот этот переход от одной политической задачи к другой, **по внешности** на нее совсем не похожей, составляет оригинальность переживаемого момента. Революция только что разбила самые старые, самые прочные, самые тяжелые оковы, которым из-под палки подчинялись массы. Это было вчера, а сегодня та же революция и именно в интересах социализма, требует **беспрекословного повиновения** масс **единой воле** руководителей трудового процесса. Понятно, что такой переход немаловажен сразу. Он осуществим лишь ценой величайших толчков, потрясений, возвратов к старому, громаднейшего напряжения энергии энергии пролетарского авангарда, ведущего народ к новому. Над этим не размышляют те, кто впадает в обывательскую истерику „Новой Жизни“, „Вперед!“, „Дела Народа“ и „Нашего Века“.

Возьмите психологию среднего, рядового представителя трудящейся и эксплуатируемой массы, сопоставьте эту психологию с объективными, материальными условиями его общественной жизни. До октябрьской революции он не видал еще на деле, чтобы имущие, эксплуататорские классы действительно чем нибудь для них действительно серьезным пожертвовали, поступились в его пользу. Он не видел **еще**, чтобы ему дали много раз обещанную землю и волю, дали мир, поступились интересами „великодержавности“ и великодержавных тайных договоров, поступились капиталом и прибылями. Он увидал это только после 25 октября 1917 года, когда он сам взял это силой и силой же должен был отстаивать взятое от Керенских, Гоцев, Гегечкори, Дутовых, Корниловых. Понятно, что известное время все его внимание, все помыслы, все силы души устремлены только на то, чтобы вздохнуть, выпрямиться развернуться, взять ближайшие блага жизни, которые можно взять и которых не давали ему свергнутые эксплуататоры. Понятно, что известное время необходимо на то, чтобы рядовой представитель массы не только увидел сам, не только убедился, но и почувствовал, что так просто „взять“ хапнуть, урвать нельзя, что это ведет к усилению разрухи, к гибели, к возврату Корниловых. Соответственный перелом в условиях жизни (а следовательно и в психологии) рядовой трудящейся массы только только начинается. И вся наша задача, задача партии коммунистов (большевиков), являющейся сознательным выразителем стремления эксплуатируемых к освобождению,—осознать этот перелом, понять его необходимость, встать во главе истомленной и устало ищущей выхода массы, повести ее по верному пути, по пути трудовой дисциплины, по пути согласования задач митингования об условиях работы и задач беспрекословного повиновения воле Советского руководителя, диктатора, **во время работы**.

Над „митингованием“ смеются, а еще чаще по поводу его злобно шипят буржуа, меньшевики, новожизненцы, видящие только хаос, бестолочь, взрывы мелкособственнического эгоизма. Но без митингования масса угнетенных никогда не смогла бы перейти от дисциплины, вынужденной эксплуататорами, к дисциплине сознательной и добровольной. Митингование, это и есть настоящий демократизм трудящихся. их выпрямление, их пробуждение к новой жизни, их первые шаги на том поприще, которое они сами очистили от гадов (эксплуататоров империалистов, помещиков, капиталистов) и которое они сами хотят научиться налаживать по своему, для себя. на началах своей „Советской“, а не чужой, не барской, не буржуазной, власти. Нужна была именно октябрьская победа трудящихся над эксплуататорами, нужна была целая историческая полоса первоначального обсуждения самими трудящимися новых условий жизни и новых задач, чтобы стал возможным прочный переход к высшим формам трудовой дисциплины, к сознательному усвоению идеи необходимости диктатуры пролетариата, к беспрекословному повиновению единоличным распоряжениям представителей Советской власти во время работы.

Этот переход начался теперь.

Мы успешно решили первую задачу революции, мы видели, как трудящиеся массы выработали в себе основное условие ее успеха: объединение усилий против эксплуататоров для их свержения. Такие этапы, как октябрь 1905 г., февраль и октябрь 1917 г. имеют всемирно-историческое значение.

Мы успешно решили вторую задачу революции: пробудить и поднять те именно общественные „низы“, которые эксплуататоры столкнули вниз, и которые лишь после 25 октября 1917 года, получили всю свободу свергать их и начать осматриваться и устраиваться по-своему. Митингование именно наиболее угнетенной и забитой, наименее подготовленной массы трудящихся, переход ее на сторону большевиков, проведение ею везде и повсюду своей советской организации, вот второй великий этап революции.

Начинается третий. Надо закрепить то, что мы сами отвоевали, что мы сами декретировали, узаконили, обсудили, наметили,—закрепить в прочные формы **повседневной трудовой дисциплины**. Это самая трудная, но и самая благодарная задача, ибо только решение ее даст нам социалистические порядки. Надо научиться соединить вместе бурный, бьющий весенним половодьем, выходящий из всех берегов, митинговый демократизм трудящихся масс с **железной дисциплиной** во время труда, с **беспрекословным повиновением** воле одного лица, советского руководителя, во время труда.

Мы этому еще не научились.

Мы этому научимся.

Реставрация буржуазной эксплуатации грозит нам вчера в лице Корниловых, Гоцев, Дутовых, Гегечкори, Богаевских. Мы их победили. Эта реставрация, та же самая реставрация грозит нам сегодня в иной форме, в виде стихии мелкобуржуазной распущенности и анархизма, мелкособственнического: „моя хата с краю“, в виде будничных, мелких, но за то многочисленных наступлений и нашествий этой стихии против пролетарской дисциплинированности. Мы эту стихию мелкобуржуазной анархии должны победить и мы ее победим.

Развитие советской организации.

Социалистический характер демократизма Советского,—то есть **пролетарского**, в его конкретном, данном, применении,—состоит, во 1-х, в том, что избирателями являются трудящиеся и эксплуатируемые массы; буржуазия исключается; во 2-х, в том, что всякие бюрократические формальности и ограничения выборов отпадают, массы сами определяют порядок и сроки выборов, при полной свободе отзыва выбранных, в 3-х, что создается наилучшая массовая организация авангарда трудящихся, крупно-промышленного пролетариата, позволяющая ему руководить наиболее широкими массами эксплуатируемых, втягивать их в самостоятельную политическую жизнь, воспитывать их политически на их собственном опыте, что, таким образом, впервые делается приступ к тому, чтобы действительно **поголовно** население училось управлять и начинало управлять.

Таковы главные отличительные признаки, получившего применение в России, демократизма, являющегося более высоким **типом** демократизма, разрывом с буржуазным искажением его, переходом к социалистическому демократизму и к условиям, позволяющим начать отмирать государству.

Разумеется, стихия мелкобуржуазной дезорганизованности, (которая при всякой пролетарской революции в той или одной мере **неизбежно** себя проявит, а в нашей революции в силу мелкобуржуазного характера страны, ее отсталости и последствий реакционной войны проявляется особенно сильно), не может не накладывать своего отпечатка и на Советах.

Над развитием организации Советов и Советской власти приходится неослабно работать. Есть мелкобуржуазная тенденция к превращению членов Советов в „парламентариев“ или, с другой стороны, в бюрократов. Борьба с этим надо, привлекая **всех** членов Советов к практическому участию в управлении. Отделы Советов превращаются во многих местах в органы, сливающиеся постепенно с комиссариатами. Целью нашей является **поголовное** привлечение **бедноты** к практическому участию в управлении, и всяческие шаги к осуществлению этого—чем разнообразнее, тем лучше—должны тщательно регистрироваться, изучаться, систематизироваться, проверяться более

широким опытом, узаконяться. Целью нашей является **бесплатное** выполнение государственных обязанностей **каждым** трудящимся, по отбытию 8-ми часового „урока“ производительной работы: переход к этому особенно труден, но только в этом переходе залог окончательного упрочения социализма. Новизна и трудность перемены вызывает, естественно, обилие шагов, делаемых, так сказать, ощупью, обилие ошибок, колебания,—без этого никакого резкого движения вперед быть не может. Вся оригинальность переживаемого положения, с точки зрения многих, желающих считаться социалистами, состоит в том, что люди привыкли абстрактно противопоставлять капитализм социализму, а между тем и другим глубокомысленно ставили слово: „скачек“ (некоторые, вспоминая обрывки читаемого у Энгельса, добавляли еще более глубокомысленно: „скачек из царства необходимости в царство свободы“). О том, что „скачком“ учителя социализма называли перелом под углом зрения поворотов всемирной истории и что скачки такого рода обнимают периоды лет по 10 а то и больше, об этом не умеет подумать большинство, так называемых, социалистов, которые про социализм „читали в книжке“, но никогда серьезно в дело не вникали. Естественно, что пресловутая „интеллигенция“ поставляет в такие времена бесконечное количество плакальщиц по покойнику: одна плачет по Учредительному Собранию, другая по буржуазной дисциплине, третья по капиталистическому порядку, четвертая по культурному помещику, пятая по империалистической великодержавности и так далее, и тому подобное.

Настоящий интерес эпохи больших скачков состоит в том, что обилие обломков старого, накапливаемых иногда быстрее, чем количество зародышей (не всегда сразу видных) нового, требует уменьшать выделить самое существенное в линии или цепи развития. Бывают исторические моменты, когда для успеха революции всего важнее накопить побольше обломков, т. е. взорвать побольше старых учреждений; бывают моменты, когда взорвано достаточно и на очередь ставится „прозаическая“ (для мелкобуржуазного революционера „скучная“) работа расчистки почвы от обломков; бывают моменты, когда заботливый уход за зародышами нового, растущими из под обломков, на плохо еще очищенной от щебня почве, всего важнее.

Недостаточно быть революционером и сторонником социализма или коммунистом вообще. Надо успеть найти в каждый момент то особое звено цепи, за которое надо всеми силами ухватиться, чтобы удержать всю цепь и подготовить прочно переход к следующему звену, причем порядок звеньев, их форма, их сцепление, их отличие друг от друга в исторической цепи событий не так просты и не так глупы, как в обыкновенной, кузнецом сделанной, цепи.

Борьба с бюрократическим извращением Советской организации обеспечивается прочностью связи Советов с „народом“ в смысле трудящихся и эксплуатируемых, гибкостью и эластичностью этой связи. Буржуазных парламентов даже лучшей в мире по демократизму ка-

питалистической республики, беднота никогда не считает „своими“ учреждениями. А Советы—„свое“, а не чужое, для массы рабочих и крестьян. Современным „социалдемократам“, оттенка Шейдмана или, что почти одно и то же, Мартова, так-же претят Советы, их так же тянет к благопристойному буржуазному парламенту, или к Учредительному Собранию, как Тургенева 60 лет тому назад тянуло к умеренной монархической и дворянской конституции, как ему претил мужицкий демократизм Добролюбова и Чернышевского.

Именно близость Советов к „народу“ трудящихся создает особые формы отзвы и другого контроля снизу, которые должны быть теперь особенно усердно развиваемы. Напр., Советы народного образования, как периодические конференции советских избирателей и их делегатов для обсуждения и контроля за деятельностью советских властей в данной области, заслуживает полного сочувствия и поддержки. Нет ничего глупее, как превращение Советов в нечто застывшее и самодовлеющее. Чем решительнее мы должны стоять теперь за беспощадно твердую власть, за диктатуру отдельных лиц **для определенных процессов работы**, в определенные моменты **чисто исполнительских функций**, тем разнообразнее должны быть формы и способы контроля снизу, чтобы парализовать всякую тень возможности извращения Советской власти, чтобы вырывать повторно и неустанно сорную траву бюрократизма.

Заключение.

Необыкновенно тяжелое и опасное положение в международном отношении: необходимость лавировать и отступать; период выжидания новых взрывов революции, мучительно долго зреющей на Западе. Внутри страны период медленного строительства и беспощадного „подтягивания“; длительной и упорной борьбы пролетарской суровой дисциплинированности с угрожающей стихией мелкобуржуазной распушенности и анархичности. Таковы, вкратце, отличительные черты особой, переживаемой нами, полосы в социалистической революции. Таково то звено исторической цепи событий, за которое нам сейчас приходится из всех сил уцепиться, чтобы оказаться на высоте задачи впредь до перехода к следующему звену,—привлекаяще у к себе особой яркостью, яркостью побед международной пролетарской революции.

Попробуйте сопоставить с обычным, ходячим понятием „революционера“ лозунги, вытекающие из особенностей переживаемой полосы: лавировать, отступать, выжидать, медленно строить, беспощадно подтягивать, сурово дисциплинировать, громить распушенность... Удивительно-ли, что некоторых „революционеров“, когда они слышат это, охватывает благородное негодование и они начинают „громить“ нас за забвение традиций октябрьской революции, за соглашательство с буржуазными специалистами, за компромиссы с буржуазией, за мелкобуржуазность, за реформизм и прочее и тому подобное.

Беда этих горе-революционеров состоит в том, что даже у тех из них, кто руководится лучшими в мире побуждениями и отличается безусловной преданностью делу социализма, не достает понимания того особого и „особо неприятного“ состояния, через которое неминуемо должна была пройти отсталая страна, истерзанная реакционной и несчастной войной, начавшая социалистическую революцию задолго раньше более передовых стран;—не достает выдержки в трудные минуты трудного перехода. Естественно, что „официальную“ оппозицию **такого** рода чинит нашей партии, партия „левых эс-ров“. Личные исключения из групповых и классовых типов, конечно, есть и всегда будут. Но социальные типы остаются. В стране, с громадным преобладанием мелкособственнического населения над чисто пролетарским, неизбежно будет сказываться—и от времени до времени крайне резко сказываться—различие между революционером пролетарским и мелкобуржуазным. Этот последний колеблется и шатается при каждом повороте событий, переходит от яркой революционности в марте 1917 г. к воспеванию „коалиции“ в мае, к ненависти

против большевиков (или к оплакиванию их „авантюризма“) в июле, к опасливому отстранению от них в конце октября, к поддержке их в декабре, —наконец, в марте и апреле 1918 года такие типы чаще всего морщат пренебрежительно нос и говорят: „я не из тех, кто поет гимны органической работе, практицизму и постепенности“

Социальный источник таких типов, это—мелкий хозяйчик, который взбесился от ужасов войны, от внезапного разорения, от неслыханных мучений голода и разрухи, который истерически мечется, ища выхода и спасения, колеблясь между доверием к пролетариату и поддержкой его, с одной стороны, приступами отчаяния, с другой. Надо ясно понять и твердо усвоить, что на такой социальной базе никакого социализма построить нельзя. Руководить трудящимися и эксплуатируемыми массами может только класс, без колебаний идущий по своему пути, не падающий духом и не впадающий в отчаяние на самых трудных, тяжелых и опасных переходах. Нам истерические порывы не нужны. Нам нужна мерная поступь железных батальонов пролетариата.

Н. Ленин.

Март—апрель 1918 г.

Издательство „Прибой“

Уральского Областного Комитета Р. К. П. (большевиков)

Вышли в издательстве „Прибой“ Уральского Областного
Комитета Партии Коммунистов:

- Г. Сафаров.** От военно-каторжной тюрьмы к коммуне. Ц. 30 к.
Отделение церкви от государства (сборник статей).
- Е. Преображенский.** Великий апостол социализма (К. Маркс). Ц. 20 к.
- Н. Ленин.** Задачи советской власти. Ц. 35 к.

Печатается:

- Е. Преображенский.** Коммунизм и анархизм.

Готовятся к печати:

- О. Рюле.** О воспитании.
- К. Маркс и Ф. Энгельс.** Коммунистический манифест.
- Дикштейн.** Кто чем живет.

На складе кроме брошюр собственного издательства имеется обширный выбор брошюр и книг других издательств.

Адрес книжного склада „Прибой“ Екатеринбург, уг. Клубной и
Вознесенского просп. дом бывш. Общественного Собрания.
